

12. MacArthur Janet H. Critical contexts of Sidney's Astrophil and Stella and Spenser / Janet H. MacArthur. – University of Victoria, 1989. – 130 p.
13. Marotti Arthur F. 'Love is not love': Elizabethan Sonnet Sequences and the Social Order / Arthur F. Marotti // ELH. – 1982. – Vol. 49. – P. 396–428.
14. Orgel S. Prospero's Wife // Rewriting the Renaissance ; Eds. Margaret Ferguson, et al. – Chicago : U of Chicago P., 1986. – P. 50–64.
15. Sinfield A. Astrophil's Self-Deception / Alan Sinfield // Literature in Protestant England 1560-1660. – Totawa, N.J. : Barnes and Noble, 1983.
16. Thompson C. Love in an Orderly Universe: A Unification of Spenser's Amoretti, 'Anacreontics', and 'Epithalamion' / Charlotte Thompson // Viator. – 1985. – Vol. 16. – P. 277–335.
17. Trilling L. Sincerity and Authenticity / Lionel Trilling. – Cambridge, Mass. : Harvard UP, 1972.

УДК 821.01: Кушнер

Иванова Т.В.
(Россия, Петрозаводск)

ИМЯ И ЕГО ФУНКЦИИ В ЛИРИКЕ А. С. КУШНЕРА

Стаття присвячена вивченню імен передусім російських поетів і письменників (Пушкін, Фет, Тютчев, Достоевський, Толстой, Блок, Ахматова, Мандельштам, Йосиф Бродський та інші), що домінують в ліриці Кушнера; осмисленню вибору того чи іншого імені поетом та способу їх включення в ліричний текст; студії ідейно-композиційної функції імені в тексті.

Ключові слова: ім'я, традиція, функція, стиль, художній світ.

Статья посвящена выявлению имён, в первую очередь русских поэтов и писателей (Пушкин, Фет, Тютчев, Достоевский, Толстой, Блок, Ахматова, Мандельштам, Иосиф Бродский и другие), доминирующих в лирике Кушнера; осмыслению выбора поэтом того ли иного имени; способу включения в лирический текст; идейно-композиционная функция имени в тексте.

Ключевые слова: имя, традиция, функция, стиль, художественный мир.

The article deals with distinguishing first and foremost names of Russian poets and writers (Pushkin, Fet, Tutchev, Dostoevsky, Tolstoy, Block, Akhmatova, Mandelstam, Joseph Brodsky and others) dominant in Kushner's poems as well as comprehension of the poet's choice of the names, their mode of embedding in the lyric text and finally ideological and compositional functions of the name in the text.

Keywords: name, tradition, function, style, poetic world.

В русской культуре имя – это личное название человека, даваемое при рождении, фамилия – имя родовое. Однако в поэзии XIX - XXI веков сформировалась устойчивая тенденция, когда фамилия приравнена к поименованию поэта, о чём так образно сказал Александр Блок: «Весёлое имя – Пушкин». Наш современник Александр Кушнер в стихотворении «По одному поводу», принимая такое понимание поэтического имени, утверждает: «Фамилией новый поэт приходит...».¹ [1: 613). Талантливый исследователь поэзии Блока С.Б. Бураго точно заметил: «Когда мы произносим слова «Пушкин», «Блок», за словами этими стоит нерасчленённый и нерасчленимый образ художника. Когда читаем поэта или о поэте, этот образ уточняется, усложняется, может быть, но не теряет своей цельности. Такой цельный образ художника - часто вежа в истории национальной и мировой культуры».² [2: 227].

В поэтическом мире русских лириков фамилия писателя отождествляется по сути с именем как символическим культурным, литературным знаком, символом, лексико-семантическая формула которого разворачивается в движении всех смыслов: имя как воплощение облика поэта и его сущности; квинтэссенция личности и судьбы; связи поэта с окружающим миром.

А. С. Кушнер - поэт знаковый для России, Иосиф Бродский так писал о нём: «Александр Кушнер – один из лучших лирических поэтов XX века, и его имени суждено стоять в ряду имён, дорогих сердцу всякого, чей родной язык –русский».³[3: 5.] Творчество поэта зиждется на мощном фундаменте мировой культуры, поэтому насыщено именами, фамилиями выдающихся личностей, можно назвать не только русские, но имена западно-европейских, восточных философов, государственных деятелей, писателей, композиторов, живописцев.

Наследуя традиции русской классической поэзии, он делает в собственной лирике имя (фамилию) поэта и – шире - художника устойчивым знаком его именной сущности и судьбы.

Кушнер исповедует высокое отношение к Слову. Генезис такого отношения заложен в сознании человека, живущего в России, высоким пониманием Слова, которое идёт от Евангелия (ещё в начале XX поэт Николай Гумилёв воплотил евангельскую истину в своём знаменитом стихотворении «Слово»: «И в Евангелии от Иоанна сказано, что Слово – это Бог».⁴ [4: 2 58.].

Поэзия А.С. Кушнера - подтверждение аксиоматического суждения о роли художественного творчества как особого способа познания и освоения действительности, где поэту с его «авторским способом воспроизведения и организации мира» принадлежит очень важная роль. «Поэт – это человек, постоянно занятый выпытыванием у жизни её смысла, но в особой поэтической, а не рассудочной, логической форме», - так лаконично и точно А.С. Кушнер определяет сущность предназначение поэта с точки зрения философии.⁵ [5: 13]

Он ощущает и огромные «креативные» возможности использования «чужого» имени в собственном поэтическом творчестве. «Чужое» имя в его лирике, при всём многообразии и неоднозначности смыслов и функций, - способ выявления эстетического кредо поэта, вместе с тем это и ключ постижения духовного богатства русской культуры, и функциональная возможность переключки современности с прошлым. Фамилии писателя «прирастают» к имени, образу, художественному миру личности, в них есть даже

звуковая характеристика конкретного лица. При этом поэтическое имя ассоциируется с различными темами: пристальное внимание к миру земному и очень предметному, трансформирующееся в философское осмыслению бытия; отношение к поэтическому слову и современному состоянию поэзии; трагическая судьба поэта в России и т.д.

Особое место среди цитируемых имён в лирике Кушнера принадлежит русскому гению – Александру Пушкину, затем следует назвать имена Державина, Лермонтова и Тютчева, Толстого и Достоевского и других классиков. Безусловны имена поэтов XX века – Блок, Ахматова и Цветаева, Пастернак и Мандельштам, наконец, современники, прежде всего Иосиф Бродский.

Знаковое в лирике имя Пушкина, его явление подтверждает верное суждение О. Мандельштама о том, что «оно остается постоянной величиной, критерием единства национальной культуры». ⁶ [6: 120]

Кушнер, благодаря цитате или аллюзии, «читает» Пушкина через посредство Тютчева, Ахматовой, Пастернака, Мандельштама и заставляет сделать открытие самого читателя. Пушкинская цитата «летучая гряда» из известного стихотворения послужила названием одной из книг Кушнера («Летучая гряда» - СПб., 2000), интерпретирована она в стихотворении «Гряда, которую с тех пор назвать летучей мы рады...». [1:580]. Стихотворение предполагает не только узнавание хрестоматийного текста и имени А.С. Пушкина. Оно помогает передать ту степень высоты поэзии, её значимость, которая для верующего человека сопоставима только с молитвой. Концовка стихотворения структурирована на аллюзии лейтмотивного фетовского образа огня, который обладает семантически - художественной многозначительностью: огня страсти и любви, но и огня – творческого горения, «огня, что просиял над целым мирозданием и вдаль зовёт, и манит уходя». ⁷ [7: 243]. Стихотворение заключается философским аккордом, равным по силе воздействия на человека поэтического слова и слова молитвы: это мотив единства миров, в которых «Огонь и есть огонь, и вряд ли за могилой//Отличен тот огонь от этого огня». [1: 580]

Наследуя пушкинскую традицию, Александр Кушнер вбирает в сердце весь мир в художественных образах и затем дарит богатство мира своему читателю.

Но Кушнер не только известный поэт, но и великолепный эссеист, тонкий и чуткий интерпретатор русских писателей XIX - XX века. Его эссе собраны в двух книгах: «Аполлон в снегу» (М., 1991) и «Аполлон в траве: эссе/стихи» (М, 2005). Он принадлежит к числу поэтов, для которых стихи стали сущностью, жизнью, судьбой, смыслом существования. Причём поэт не только декларирует, что в вечном противостоянии мирского и жизни духа, «склонил своё сердце к стихам», а «не к ларцам, сундукам и серебряной чаше», но справедливо утверждает, что «лучшие так и написаны, как перед Богом». [1: 654]. Непростой путь поэта в литературе отдельными намёками и вкраплениями можно обнаружить в его стихах, своеобразным эпиграфом к личности и жизни А.С. Кушнера может послужить его признание: «Поэт для критиков, что мальчик для битья». [1: 495]

Автор нескольких десятков поэтических книг настоятельно подчёркивает, что их он создаёт именно как книги стихов. Поэт убеждён, что книга стихов - особое жанровое образование <...>, ибо она даёт возможность «создать целостную картину мира из осколков ежедневных впечатлений»; « это возможность для лирического поэта в обход большого жанра создать связный рассказ о времени»⁸[8:47] . Вот почему А.С. Кушнеру подвластно воссоздание большого количества национальных образов миров (армянско-

го, английского, итальянского, даже китайского, о чём приходилось писать автору статьи (в котором одно из лучших стихотворений на китайские мотивы, на наш взгляд, «Подражание древнекитайскому».⁹ [9:140-145]

[Заметим, что впервые стихи А.С. Кушнера на китайский язык перевёл Ван Лие].¹⁰[10]

В стихах Кушнера жидется россыпь имен, многонациональных по языку и разнообразнейших во времени и пространстве. И всё-таки Кушнер – поэт сформировался прежде всего на фундаменте русской культуры. Имена русских классиков XVIII - XIX вв., поэтов XX-XXI веков в поэтических книгах А.С. Кушнера выполняют миромоделирующую функцию: от Гавриила Державина - «мощная душа» - до Иосифа Бродского, поэта – «брата».[1: 654; 1:607] . Русский мир явлен прежде всего через образы поэтов XVIII-XXI веков и их судьбу. Поражает многообразие приёмов, с помощью которых поэтическое имя либо имя писателя включено им в контекст собственного творчества.

В его лирических текстах нередко прямо названы имена Державина, Батюшкова, Жуковского, Боратынского, Тютчева, Некрасова, Фета, Блока, Мандельштама, Анненского, Ахматовой, Чуковского, Пастернака и многих других. Используя имя, Кушнер проявляет, по слову Льва Толстого, «лирическую дерзость - свойство великих поэтов».¹¹ [11(47: 237)]

Одно из его репрезентативных стихотворений «Наши поэты», написанное ещё в начале 1970-х годов, построено на парадоксе тезиса и антитезиса. Поэт не боится охарактеризовать гениев русской поэзии XIX - XX века всего одной чертой, причём даже нелицеприятной, заимствованной им из расхожих суждений толпы: «Боратынский схематичен», «бестильность Фета всякому видна», «Блок <...> педантичен», «цветаевская фанатична муза», «Ахматовой высокопарен слог», «Кузмин манерен», «Пастернаку вкуса не достаёт, болтливость – вот порок...», Заболоцкий « в сердце скуповат» и т.д. Но автор завершает текст таким неожиданным восторженно-ироничным признанием, что становится ясно, каким же драгоценным фондом русской поэзии, выдержавшим испытание временем, мы обладаем:

Какое счастье даже панорама
Их недостатков, выстроенных в ряд!
[1:156]

Значимые в лирике А.С. Кушнера цитаты, аллюзии, реминисценции подразумевают в свою очередь в сознании поэта и читателя определённой культуры, читателя-творца. Приёмы цитации в стихах Кушнера поразительны: удивительное чутьё поэтического слова позволяяют ему оригинально и виртуозно включить в стихотворение «Современники» [1: 618] «перекличку» цитат из «Двенадцати» А. Блока и «Крокодила» К. Чуковского. Конечно, приём рассчитан на читателей, которые «подсознательно помнят Чуковского «Крокодила» и знают поэму Блока. Такая «перекличка» казалось бы не сочетаемых текстов (обостренно-социальная с глубоким философско-религиозным подтекстом поэма и «детское» стихотворение) способствует полноте и глубине воссоздаваемой картины русской жизни эпохи гражданской войны, трагедию которой осознали оба русских поэта, но особенно трагически Блок.

Порою имя поэта вводится через героя произведения: «русская душою» пушкинская Татьяна с её любовью к русской зиме в тексте «Неужели прав Мартын Задека...» [1: 673] помогает лирическому герою пережить такое же чувство; вот зевающий Онегин в «Стансах» [1: 499] и т.д.

Акцентируя внимание читателя на пространственно-временной континуум, Кушнер вводит поэтическое имя таким образом, что в стихотворении «Поскольку я завёл мобильный телефон...» добивается восприятия не только имени, но и образа, в частности, Иосифа Бродского: поэта-«брата», «по музе, городу, пускай не по судьбам.//Зато по времени, по отношению к слову». [1: 607] . Нередко, призывая читателя к сотворчеству, точно цитирует поэтические строки любимого им Блока в стихотворениях «Сад», « Чем повторять стихи про кобылицу и вечный бой...» [1: 693; 1:566].

Характерно, что порою в одном поэтическом тексте Кушнер объединяет несколько имён, причём представителей различных эпох, стран. Так, в стихотворении с совсем не-поэтичным началом («А в грубом цинковом ведре...» [1: с. 534] образ лебедя соединил Державина из века XVIII – го, Тютчева из XIX – го и поэта XX века Н. Заболоцкого. Древнеримский Овидий сосуществует вместе с Пушкиным и Мандельштамом в тексте - «Красное море» - [1: 570]. Такой приём можно обнаружить в других стихотворениях, среди них упоминавшееся «Наши поэты» [1:156]; «Мандельштам придет с шубой...» [1: 627], «Сад» [1: 694]. Соединяя время и пространство таким образом, поэт утверждает непреходящую ценность самой жизни.

Кушнер, постулируя традицию поэтического имени, чаще всего отсылает читателя к самым устойчивым образам его поэзии: например, к образам огня, «майской ночи», снегам А. Фета («С какой-нибудь самой нелепой//Фамилией новый поэт...» - [1: 613]; либо к блоковской «весне без конца и без края» в упоминавшемся стихотворении «Сад» [1:693]; тютчевский мир запечатлён через самый доминирующий слово-образ его поэзии - «душа» («Я вспомню, улыбнусь, под тучей дымнобровый...» [1: 598] и т.д.

Порою имя в лирике Кушнера окружено неким ореолом, определённым смыслом, подтекстами, которые нужно дешифровать, как имя А. Блока в тексте «Представляешь, каким бы поэтом - Достоевский мог быть...»(примеры подобной дешифровки можно встретить в других его стихотворениях).[1: 639]

Мастерство и оригинальность Кушнера-поэта в том, что он точно определяет круг литературных имён как знаковый признак богатства русской литературы. Поэты Серебряного века особенно дороги А. С. Кушнеру своим уникальным мировидением, глубоким психологизмом, неповторимой поэтикой, мастерским владением слова.

Фамилия поэта выступает одной из граней его знаковой сущности, когда Кушнер сопрягает поэтическую личность с каким-либо индивидуальным, но обретшим обобщающую суть образом предметного мира именно для выявления его неповторимого облика. Эскизно, но броско, как бы одной чертой, подобно облику Анны Ахматовой на известном рисунке Модильяни, воссоздаст он наиболее любимых им – Блока, Мандельштама, Ахматову, Кузьмина и других в стихотворении «Мандельштам придет с шубой...» [1:627]. С легкой непринуждённостью в этом стихотворении, наряду с поэтами XIX столетия, предстают Фет и Вяземский. Не случайно и посвящение американскому слависту Омри Ронену, утверждавшему, что такое явление, как Серебряный век, относится к русской поэзии второй половины XIX века ¹². [12: 1-152]

Стихотворение «Мандельштам придет с шубой...» имеет шутливо-иронический характер, в нём высокая поэзия сопрягается с приземлённым бытом. Имена поэтов включены в предметный мир, благодаря чему имя классиков с высот поэтического Олимпа

опущено на грешную землю, где так важна и шуба Мандельштама, и перчатка Ахматовой, и шапка Кузьмина. Заметим, что живописная шуба – факт биографический, примета сурового времени советской России 1920-х годов - фигурирует в статье самого поэта, в его стихотворении 1931 года «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...»¹³ [13:113] и даже в мемуарах Ирины Одоевцевой.¹⁴ [14:183]

Исследователи обратили внимание и на шапку Кузьмина: «Я жалкой радостью себя утешу, / Купив такую шапку, как у Вас; / Её на вешалку, вздохнув, повешу, / И вспоминать Вас буду каждый раз».¹³ [15: 127]

Из прославленного стихотворения «Песня последней встречи» пришла легендарная перчатка Ахматовой: «И Ахматова с перчаткой».¹⁶ [16 (1: 627)]. В стихотворении самой Ахматовой это незабываемая деталь усиливает трагизм психологического состояния покинутой женщины, вот почему героиня «на правую руку надела // Перчатку с левой руки». [16(1:30)]

Слово-образ «Вяземский в халате» отсылает не только к стихотворению А.С. Кушнера «Вместо статьи о Вяземском» [1: 149], но и к стихотворениям самого Вяземского «Прощание с халатом» (1817) и «Жизнь наша в старости –изношенный халат» (1875-1877 гг.) с их горькой нотой чувства быстротечности бытия, мироощущения осиротелого поэт, который «жить устал»: «друзья уснули», он - нынешний сегодняшний,- «с утра, надев свой клетчатый халат», пытается ловить ускользающие и дразнящие «рифмы невпопад» и понимает: просто «смерть откладывает срок».

На этом фоне предметного мира в стихотворении иначе создан образ Фета, амбивалентный характер которого не разгадан до сих пор: хозяин-практик с приземлённой внешним обликом и почти неземной поэт, мастер неуловимого, мгновения, проникновенный лирик, «лирическая дерзость» которого помогала читателю понять даже «язык цветов». Вот почему он придёт с «цветов охапкой». [1:627]

К известному блоковскому стихотворению «О доблестях, о подвигах, о славе...» корреспондируют строчки «Блок, отравленный загулом // Принесёт нам плащ украдкой». Исследователи не раз характеризовали этот плащ как знак романтического героя, однако мотив пьяного «загула» не только снижает романтический облик рыцаря в плаще с бокалом и шпагой, но заставляет прикоснуться к жизни «трагического тенора эпохи» (выражение Анны Ахматовой). [16: (2:290)]

А вот с именем Бориса Пастернака сопрягается образ стула, пришедшего, как заметили исследователи, из его стихотворения «Из суеверь...» .¹⁷[17:111]

После такой россыпи поэтических имён, воссозданных одной художественной деталью в их пленительной образности, парадоксально, с некоторой долей игры с читателем и с самим собой, звучит заключительная строфа-признание:

Лишь в безумствах и в угаре
Кое-кто из символистов
Ничего нам не подарит.
Не люблю их эгоистов.

[1: 627]

Шутливая ирония в процитированных строчках о Пастернаке сменяется истинным пиететом младшего современника: «Читать Пастернаку - одно удовольствие!!! Читал я стихи ему в воображении.// Во-первых, не страшно.// В своём

разглагольствовании// И сам он – дитя. И широк, как все гении. [1: 620]

Реминисценции, аллюзии, прямые цитаты из лирики Пастернака мы обнаруживаем во многих стихах - «Покров любви, расписанный цветами...» (1:119); «Разве можно после Пастернака...» (1: 492); «Мне приснилось, что все мы сидим за столом...» (1:496); «И с первых слов влюблялись, и помедля...» (1: 520); «Иван-чай» (1:544); «Английским студентам уроки...» (1: 628); «Я об истории ...» (1: 637) и многие другие.

Строка Бориса Пастернака «Он был, как выпад на рапире...» избрана Кушнером в качестве эпиграфа стихотворения «Я об истории дурного мнения быть вынужден». [1:637]. Её повтор в тексте создаёт непримиримый, негибачый образ поэта, которого тривиальность и власть, и собратия по перу. Но главное для Кушнера-поэта – возможность ответа на вопросы, что такое поэзия, обладает ли она силой воздействия на людские сердца. Сложный синтаксис поэтического текста, приближенный к стилистике и ритму прозы, очевидно, обусловлен ответом на них: « Я о поэзии дурного// Быть мнения вынужден: зачем// Она единственное слово//Находит, признанное всем//Внушить иллюзию спасенья//И ощущенья правоты?//А это только проявленье// Смертельной драмы и тщеты». [1: 638]

Россия принадлежит к числу тех стран мира, культура которой знает столько признанных гениальных поэтов. А.С. Кушнер высоко оценивает их роль в духовной жизни страны, именно поэтому он и не мог обойти тему судьбы поэта, горьких страниц в истории России и истории её литературы. Поэт постоянно отстаивает право на собственное слово, его значимость в обществе. Нравственным заветом и ориентиром для него служит пушкинская формула:

Зависеть от царя, зависеть от народа -
Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать...¹⁸

[18: 381]

Стихотворение Вильгельма Кюхельбекера «Участь русских поэтов», написанное ещё в начале века XIX, оказалось жутким пророчеством на века: «Горька судьба поэтов всех племен;//Тяжеле всех судьба казнит Россию». ¹⁹ [19 (1: 207)]

Кушнер фамилию поэта и – шире - художника, как уже было отмечено, делает устойчивым знаком его именной сущности и судьбы, чаще всего трагедийной. В статье «Вакансия поэта», но особенно в книгах стихов, развивая тему «печальной судьба поэта в России», он сосредотачивает внимание на нескольких важных её ракурсах: 1) творец и толпа; 2) жестокое отношение власти к художнику; 3) власть, развращающая человеческую личность.

Оппозиция «поэт» и «толпа» традиционна. Переменчивое отношение, равнодушие читателя к творцу познал даже Пушкин, по мнению А.С. Кушнера, «только насильственная смерть вернула ему читательскую любовь»; такое же забвение читателя пережили Боратынский, Фет. [5: 591-608]

С неподдельной болью и горечью Кушнер пишет о власти, которая в XX веке вычеркивала имена Цветаевой, М. Кузьмина, Ходасевича, Г. Иванова, убивала Мандельштама, ломала судьбы Ахматовой и Пастернака. [5: 591-608]. В его лирических книгах, опубликованных прежде всего в XXI веке, даже заметно усиливается тяготение к цикличес-

зации внутри самой книги. Поэт использует возможности цикла, обостряя трагедийные ситуации в отношениях власти и личности: таков цикл из трёх стихотворений, опубликованных в книге «Холодный май» - «Смерти, помнится не было в 49-м году...» [1: 642], «Фотография. 1957» [1: 643], «Книгу читая, был ею обижен...» [1: 644].

Имя во всех обозначенных нами аспектах темы поэт и власть выполняет ключевую роль, в них автор прибегает не только к аллюзиям и реминисценциям, но даже к несвойственной ему, тонкому лирику, публицистичности. Так уже в первой строфе текста «Смерти, помнится, не было в 49-м году...» упоминается фамилия А.А. Жданова, который с 1946 г. возглавил кампанию по усилению партийного контроля над интеллектуальной жизнью страны (в историю она вошла как «ждановщина», хотя её главным вдохновителем был Сталин). А. Жданов – автор разгромного доклада, где было сказано, что «ахматовская поэзия совершенно далека от народа». И сразу А. Ахматову перестали печатать, исключили из Союза писателей. Вот почему читатель легко угадывает её имя в строке: «поэтесса одна, простодушна и жизнью помята», - корреспондирующей к первой строфе текста, и таким образом прочитываются трагические страницы её жизни. [1: 642]. Несправедливостью, горькими поворотами судьбы Ахматовой рождено чувство неисцелимой боли и сострадания в стихотворении Александра Кушнера «Памяти Анны Ахматовой». [1: 82] Вглядываясь в лица стоящих у гроба на её похоронах, автор не только переживает личную утрату. Лексическая насыщенность текста «отомщевательной» лексикой («грозный свет», «прощенья нет», «страшный суд») обуславливает приговор поэта, силу которого, пожалуй, можно сравнить с заключительными стихами «На смерть поэта» М. Лермонтова: «...понял я: прощенья нет!//Отмщенье всем, кто виноваты. [1:82]

А.С. Кушнер не раз будет обращаться к трудным страницам истории России XX века, чтобы показать, как государственная система, основанная на насилии и деспотизме ломала и не сломала человека. Поэтическое имя в контексте его лирики даёт возможность обнаружить постоянную связь в намеченных нами главных темах: жизнь и её трагедия. В его стихах не редкость своеобразное «мерцание» смысла, когда какая-то деталь намекает на человеческую судьбу. Так в образах тополей (стихотворение «Так быстро ветер перелистывает...») угадывается и А.А. Ахматова, и её знаменитое стихотворение «Воронеж» (1936), посвящённое Осипу Мандельштаму. Тополя у А. Кушнера и А. Ахматовой являются, своего рода, свидетелями исторического времени, событий прошлого.

Трагическая судьба поэта Осипа Мандельштама связана прежде всего с написанием его антисталинского стихотворения «Мы живём под собою, не чужа страны...». В мае 1934 года за это стихотворение, направленное лично против Сталина, он был арестован, затем ссылка и впоследствии жуткая смерть. Мандельштам позволил себе смело и нелицеприятно охарактеризовать самого вождя («Его толстые пальцы, как черви, жирны, //А слова, как пудовые гири, верны. //Тараканьи смеются усища, //И сияют его голенища...») и его политику по отношению к народу: «Мы живём под собою не чужа страны // Наши речи за десять шагов не слышны». [15: 136]

Имя Осипа Мандельштама имеет непосредственное отношение и к другому тексту А.С. Кушнера - «Книгу читая, был ею обижен...» [1: с. 644], в нём поэт интерпретирует ещё одну грань в оппозиции власть и личность – чувство страха за собственную жизнь и подчинение художника силе власти, способность на недостойный, неблагovidный поступок, момент слабости, малодушия, которые допустил арестованный поэт. Такая стра-

ница есть в поведении Мандельштама, о чём с горечью пишет Кушнер: «Лучше бы он антисталинский выпад //Свой не писал, не читал его людям://Брата назвал и Ахматову выдал//НКВД. Как простим и забудем?» [1: 644]

Стихи Кушнера на вечную тему: «гений и злодейство» (вспомним знаменитый пушкинский афоризм из «Моцарта и Сальери»: «ведь гений и злодейство – две вещи несовместные») [18(5:366)]. Этот потрясающий текст Кушнера рождает тему памяти и отношения потомков к художнику, которым после его смерти и по прошествии времени многое открывается по-другому.

-Как простим и забудем? - обращается с риторическим вопросом поэт, и сам же отвечает, утверждая незыблемую ценность поэтического наследия Мандельштама: Так и простим, и забудем - за астры//И на носилках лежащее солнце//Так неподвижно и так безучастно.//За сеновал и за полразговорца.[1: 645]. Кушнер включает гениальные строки из стихов Мандельштама «Я пью за военные астры, за всё, чем корили меня...» и «Сёстры – тяжесть и нежность - одинаковы ваши приметы...» [13: 113]. Плотность проблематики этого текста настолько мощная, что поэт вновь и вновь приглашает читателя к сотворчеству, соучастию и сочувствию. Ответ на заданный риторический вопрос, связанный с поведением поэта, жизнь которого продолжилась бы в другое время, Кушнер связывает с именами Пушкина, первооткрывателя поэтического XIX века, и Блока, начинателя русской поэзии XX века: «Думаешь, с Пушкиным было бы легче.//Вспльчиво-мнительным? Думаешь с Блоком?//Чем поделиться им с ближними? Нечем.//Только стихами в пути одиноком».[1:645]

Но для А.С.Кушнера важна не только личность поэта и его судьба, куда важнее, то поэтическое наследие, которое оставили выдающиеся поэты XX века Александр Блок, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Борис Пастернак... - эти титаны жизни Слова и Духа».[1: 645]

Какаясь деликатной и сложной проблемы – личность художника, который сгибается под гнётом власти и становится её рупором, Кушнер в стихотворении «Фотографии. 1957» перечисляет больше десятка фамилий, мастерски портретируя советских поэтов, которые не выдержали испытание временем и властью.[1: 643]. По сути лирика Кушнера вписывается в типологию современного художественного мышления, когда, как заметил Бродский, «искусство есть форма сопротивления реальности, представляющейся несовершенной, и попытка создания альтернативы оной»²⁰. [20 (7: 120)].

Выявленные поэтические имена и их функции в творчестве Кушнера свидетельствуют не только о богатстве духовного мира самого поэта, они придают художественное единство его книгам стихов Поэт как будто творит новую реальность, имя в поэтическом тексте, в контексте лирических книг Кушнера приобретает многоаспектное значение. Имя поэта становится ключом постижения духовного богатства русской культуры и функциональной возможностью переключки современности с прошлым. Вместе с тем оно может создавать трагические страницы истории страны.

Имя в их творчестве, А.С. Кушнера предстаёт как готовый образ, имя-концепт, имя-символ, даже имя – свёрнутый сюжет. Неповторимые образы, ассоциативный ряд, поражающий порою странными сближениями, особая данная Богом и природой интуиция позволяют поэту Кушнеру совершать открытия, проникать в «чужой» мир, сделать его для читателя не только зримым, но главное – весьма убедительным.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Кушнер А.С. Избранное / Александр Семёнович Кушнер . - М.: Время, 2005. -719 с.
- ² Бурого С.Б. Собрание сочинений/ Сергей Борисович Бурого.- К.: Издательский Дом Дмитрия Бурого , 2005. - 367 с. (Александр Блок (очерк жизни и творчества; т.1)).
- ³ Иосиф Бродский об Александре Кушнере. [Предисловие] // Кушнер А.С. Избранное / Кушнер Александр Семёнович.- М., - 2005.- 719 с.
- ⁴ Гумилёв Н. С .Стихи; Проза / Вступит.ст. Вяч. Иванова / Николай Степанович Гумилёв. – Иркутск, 1992. 258 с.
- ⁵ Кушнер А.С. Аполлон в траве: эссе /стихи / Александр Семёнович Кушнер.- М. : Время, 2005.- 630 с.б. Цит. по ст.:Кузьмина Н.А.Пушкинский текст современной поэзии /Наталия Арнольдовна Кузьмина//ж.«Вестник Омского университета» - Омск:Из-во Ом.гос.ун-та,1999.Вып.2.-С.120 [htt://Kushner.poet-premium.ru/pressa/19990200_vest_omsk.html](http://Kushner.poet-premium.ru/pressa/19990200_vest_omsk.html)
- ⁷ Фет А.А. Стихотворения /Сост., автор вступит. ст. и примеч. П.А.Руднев/Афанасий Афанасьевич Фет. - Петрозаводск: Карелия, 1986.- 243 с.
- ⁸ Кушнер А.С.Аполлон в негу. Заметки на полях / Александр Семёнович Кушнер .-Л.: Сов.писатель,1991.- 512 с.
- ⁹ Иванова Т.В. Национальные образы мира в поэзии А.С.Кушнера (китайские мотивы) / Тамара Васильевна Иванова// Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. Материалы конгресса. Санкт - Петербург, 15-17 октября 2008. Русская литература в контексте мировой культуры. Место и роль литературы в образовательном пространстве / Под. ред. проф. П.Е.Бухаркина, Н.О.Рогожиной, Е.Е.Юркова. - :В двух томах. - Ч.1. СПб: МИРС.2008.- С.493.
- ¹⁰ Ван Лие. Классика и перевод / Лие Ван // ж. «ИЛИНЬ» - Пекин- 2006.- №4 -С. 12;. (В августе того же года в издательстве народной литературы (Жэньминьвэньсюэчубаньшэ) вышел альманах «Избранные современные русские стихотворения», куда включено девять стихотворений Кушнера в переводах доцента Чень Сунянь, доцента Пекинского университета, факультета русского языка). [Благодарю профессора Ван Лие за предоставленную информацию]
- ¹¹ Толстой Л.Н.Полное собрание сочинений :Т.1- 90 (Юбилейное). М., Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1928-1958.
- ¹² Ромен Омри. Серебряный век как умысел и замысел / Ронен Омри .- М.: О.Г.И., 2000.- 152 с. (Материалы и исследования по истории русской культуры . Вып. 4. / Под ред. Е.В.Пермякова (Вступит.ст. Вяч.Вс.Иванова).
- ¹³ Мандельштам О.Э. Выпрямленный вздох: Стихи. Проза / Составление, послесловие и указатель Д.И.Черашней / Осип Эмильевич Мандельштам. - Ижевск: Удмуртия, 1990.- 526 с.
- ¹⁴ Одоевцева И. На берегах Невы / Ирина Владимировна Одоевцева. - СПб : Азбука-классика, 2008. – 442с.
- ¹⁵ Кузьмин М .А. Стихотворения / Михаил Александрович Кузьмин.- М.: ЭКСМО, 2011. - 480 с.
- ¹⁶ Ахматова А.А. Сочинения : В 2 т. / Анна Андреевна Ахматова .- М.: Правда,1990. – 448 с . (Сочинения:В 2 т. Т.1.).

¹⁷ Пастернак Б.Л. Полное собрание стихотворений и поэм / Вступ. Статья В.Н. Альфонсова. Состав., подготовка текста, примеч. Е.В. Пастернак и В.С. Баевского / Борис Леонидович Пастернак. - СПб.: Академический проект, 2003. - 800 с.

¹⁸ Пушкин А.С. Из Пиндемонти / Александр Сергеевич Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. Т.2.-М.: Худож. лит., 1974. -381 с.

¹⁹ Кюхельбекер В.К. Участь русских поэтов / Вильгельм Карлович. Кюхельбекер // Собр.соч. :В 2т. Л.: Сов.писатель, 1939. Т.1.- .207 с.

²⁰ Бродский И. Поэзия как форма сопротивления реальности / Иосиф Александрович Бродский // Собр.соч.: В 7 т. - СПб. : Пушкинский проект,- 2001.Т.7. -356 с.